

Дмитрий Шеваров

Дневник этих дней

Памяти А.И. Солженицына

Шеваров Дмитрий Геннадьевич — журналист, прозаик, литературный критик. Родился в 1962 году в Барнауле. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета им. А.М. Горького. После окончания университета и службы в армии работал в газете «Вологодский комсомолец». С сентября 1989 года — в «Комсомольской правде»: собственный корреспондент по Нижнему Поволжью, специальный корреспондент, обозреватель. Вёл авторскую страницу «Митина любовь», посвящённую русской культуре. С 1997 года — в газете «Первое сентября», где выпускает историко-литературную страницу «Домашний архив». Рассказы, повести, очерки и эссе печатались в «Новом мире», «Урале», «Смене», «Дружбе народов». Автор трёх книг прозы. Член Союза писателей Москвы. Живёт в Подмосковье.

Ушли родители, уходят сверстники. Куда уходят? Кажется: это неугадаемо, непостижимо, нам не дано. Однако с какой-то преданной ясностью просвечивает, мерцает нам, что они — нет, не исчезли. И — ничего больше мы не узнаем, пока живы.

А.И. Солженицын

6 августа 2008

Во время отпевания в Донском монастыре мы с женой стояли в тесном притворе. Мимо тихонько текли люди, какие в московской толпе давно уже неразличимы. Я даже думал, что они ушли навсегда…

Будто открылись какие-то глухие врата, со скрипом приотворились, и под монастырскими тяжёлыми от дождя кронами мы вдруг воссоединились с исторической Россией, которую считали канувшей безвозвратно. Но вот несколько часов эта невозможная Россия шла и шла мимо нас, шаркая старыми башмаками, постукивая палочками, кутаясь от ветра в москошвеевские курточки, прижимая к груди книжки и сжимая горящие свечи.

Поседевшие «вечные студенты» в очках с толстыми линзами, в потёртых свитерах и заношенных ветровках — я видел их лет двадцать назад в читальных залах, букинистических магазинах и очередях на подписку. Скользят как тени худенькие пожилые женщины, им давно за семьдесят, но не повернется язык назвать их старушками — так изящно, строго они одеты из последних своих за-

пасов. Слепой старик с палочкой — почти бескровное, бледное лицо, и даже за прикрытыми глазами читается несуетный глубокий ум. Он чутко вслушивался в службу, потом вдруг повалился на руки тех, кто оказался рядом. Хотели звать врача — благо у монастырских ворот стояла машина скорой помощи — но старик не позволил; разрешил лишь усадить себя на скамейку и принял валидол.

Молодых лиц немного, да и нашего брата, 45-летнего, — раз-два и обчёлся. А ведь и по дате рождения, и по первому мировоззренческому осязанию себя в этом мире мы без натяжки можем назвать себя солженицынским поколением. Родились в 1962-м — значит, ровесники «Одного дня Ивана Денисовича». Именно в этом году в одиннадцатом номере «Нового мира» была напечатана повесть, с которой очень многое в СССР забрезжило и очень многое понеслось к обрушению. Так началась эпоха Солженицына.

Но сейчас почему-то не хочется говорить об эпохе, об истории, о вехах, о борениях, которых вокруг Солженицына всегда было (и ещё будет) много. Вспоминается почему-то тихое, совсем не важное для других, но если вот тут, сейчас, вспоминается — значит, и в этом малом воспоминании есть какая-то скрепа твоей жизни с жизнью страны, со временем бытия твоего народа.

...Сентябрь в середине 70-х. Мы с мальчишками во дворе увязываем пачки с только что собранной макулатурой, чтобы тащить в школу. Вдруг из старых газет высыпается несколько узких полосок фотобумаги. Полоски необычные, странные. Каждая усеяна махонькими буквочками, а что написано — разглядеть невозможно. Но на газетах написан номер квартиры, и мы несём туда эти полоски. Там живет дядя Шурик, симпатичный преподаватель математики. Вдруг эти полоски нужны ему для научной работы? Он открывает дверь, мы протягиваем нашу находку: «Не ваше?» Дядя Шурик бледнеет, хватает полоски, потом выбегает вместе с нами во двор, трясёт газеты и журналы, но больше оттуда ничего не выпадает, кроме фантиков от конфеты «А ну-ка отними!». Дядя Шурик жмёт каждому из нас руку: «Спасибо, ребята, вы меня просто спасли...» А мы и не понимаем толком, отчего вдруг такая честь. Между собой решили, что это были какие-то важные научные бумажки.

Лет через десять вместе с Шуриком, благополучно защитившим к тому времени кандидатскую диссертацию, мы попали на военные сборы, и как-то вечером, под звёздами, он рассказал мне, что на тех

полосках, выпавших из макулатуры, были главы «Архипелага ГУЛАГа», переснятые на микроплёнку.

…Глядя на текущую мимо нас реку людей, я неотвязно вспоминал Павла Дмитриевича Корина с его набросками к картине «Русь уходящая». Люди, пришедшие в Донской монастырь проводить Солженицына, были совсем не похожи на тех могучих старцев, суровых стоиков и непреклонных аскетов, которых так торопился запечатлеть Корин в начале 30-х. Внешне и внутренне — они совсем-совсем другие. Но ведь и они — Русь. И они — уходящие. И хотелось тронуть за рукав и шепнуть: откуда вы и куда... и почему так светлы ваши лица... и почему вы не переживаете, что дужка очков у вас подвязана верёвочкой... и почему... и как нам жить дальше...

А через три дня нахлынет война в Южной Осетии, опять эта чума приползёт с Кавказа по наших сыновей, и мне застучит в висок название старой солженицынской статьи: «Потёмщики света не ищут».

…Народу в собор всё прибывает и прибывает, и всё больше знакомых, узнаваемых лиц, но вокруг нет даже шелеста голосов. Все остаются сосредоточены на чём-то своем, глубоком: на свече в руках, на мыслях, на молитве… Только когда монахи запели «Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся…», все чуть шелохнулись, заоглядывались друг на друга, вдруг остро и одновременно ощутив, что эта заповедь ни к кому не приложима так точно, как к Александру Исаевичу. Воистину Солженицын «алкал и жаждал» правды.

Потом с пением «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас...» мы выбрались с народом на высокое крыльцо собора, и первое, что мы увидели: внизу, теснимый толпой, шёл под руку со своим учеником Андреем старейший московский профессор Сигурд Оттович Шмидт — в одном пиджачке, а холодный ветер пронизывает... Догнать их не было возможности, кругом плотная толпа.

7 августа

Вернувшись домой, откопал на лоджии свою солженицынскую папку и обнаружил там материалы к «Прямой линии», организованной «Комсомольской правдой», и в этих материалах — страницу с последними словами на той линии, обращёнными к редакции,

к нам, журналистам. Завещание, можно сказать. Слова эти, конечно, не опубликовали — уже тогда слова старика не совпадали с «веяниями». А он сказал: «Я призываю „Комсомольскую правду": не сводите к эстраде, давайте серьёзные ответы...» Никто этих слов не опубликовал.

Было это в апреле 1996 года. 78-летний Александр Исаевич почти три часа отвечал в редакции «КП» на звонки — и всё на нерве, с полной самоотдачей. Стенограмма этой встречи заняла 73 машинописных страницы.

Перед началом «Прямой линии» Солженицын попросил, чтобы во время разговора с читателями у него были свободны руки, и он мог бы не только говорить, но и делать пометки в блокноте. Тогда вместо телефонной трубки мы предложили ему наушники, в которых работали в стенбюро наши стенографистки. Благодаря этим наушникам Александр Исаевич, отвечая на вопросы, энергично вёл свою «бухгалтерию» по звонкам, что-то помечал карандашом, записывал.

Было девять или десять телефонов и все звонили одновременно. Мы, тогда молодые ребята, и то все взмокли. Иногда разговор обрывался трескучими гудками, и Солженицын, покрепче прижимая наушники, недоумённо поднимал на нас глаза: «Не слышу... пропал человек...».

Мне посчастливилось видеть Александра Исаевича ещё два или три раза. Но не могу произнести: «Я встречался с Солженицыным». Звучит уж как-то очень самодовольно, почти пародийно. Хотя для меня это, конечно, *встречи*.

И скоро, наверное, захочется припомнить и записать всё о них в подробностях. Но это потом, а пока просто вспоминаю Александра Исаевича... Как удивительно сочетались в нём летящая навстречу тебе доброжелательность с невероятной чёткостью и стремлением предельно насытить мыслями и поступками каждую минуту пребывания на этой земле. Он умел чувствовать главное и предельно концентрироваться на нём.

Весь образ его существования начисто ломал стойкие представления о русском человеке как стихийном, шальном и бессистемном существе, подверженном лишь эмоциям. Это стремление к самоорганизации и самодисциплине Солженицын настойчиво пытался внушить всем окружающим, всем читателям, всему народу, считая, что мы заимствуем с Запада вовсе не то, что стоило бы. А стоило

бы, по его мнению, перенять систему местного самоуправления, дополнив её отечественными традициями. Увы, наши политики в 90-е годы не были ещё способны воспринимать идеи Солженицына, видя в нём лишь интересную, экзотическую фигуру, знаменитого писателя, но не более того. Не прислушавшись тогда к Солженицыну, к его предупреждениям и советам, власть ввергла страну в разрушительные эксперименты, в которых было потеряно столько жизней.

Многим сейчас кажется, что Солженицын тогда, в начале 90-х, переоценил силу своих идей и нашу восприимчивость к ним. Говорят, что деньги в России оказались сильнее призывов писателя к нравственному совершенствованию, а тотальная реклама потребительства навсегда похоронила идеи самоограничения и национальной самодостаточности. Если судить по тому, что на поверхности, то всё так и есть. Люди, думающие о смысле жизни, читающие стихи и переживающие за судьбу страны, — сегодня выглядят маргиналами; скоро их придется заносить в Красную книгу вымирающих видов.

Но Россия историческая, подлинная — она никогда не жила в одном измерении. Время от времени она являет миру пример невозможного. Того, что ни по каким рациональным выкладкам быть не могло в принципе. Не могло быть Сергия Радонежского и Серафима Саровского, почти невероятно было появление на свет Ломоносова и Пушкина, маловероятен был май 1945-го, абсолютным шоком для всего мира было появление в космосе Гагарина. Солженицын же как был для руководителей страны в 1962 году неведомо откуда свалившейся проблемой, так остается ею до сих пор. Его идеи представляются властям загадочным сгустком противоречивых и могучих энергий, которые непонятно когда и как сработают. Поэтому вполне объяснимо стремление «засахарить» Солженицына, а самые глубокие его идеи покрепче законсервировать.

Вот сейчас слышу с экрана: «ушла эпоха Солженицына», «провожаем эпоху»... А не торопимся ли? Почему-то мне кажется, что с эпохой Солженицына рано прощаться.

11 августа

Приехал с панихиды по А.И. (9 дней сегодня). У могилы собралось совсем немного людей — человек двадцать. Могилы не видно, вся завалена цветами, только крест чуть виднеется. Молоденький батюшка служил смущённо как-то, тихонько, без показного усердия.

Небо, маленький храм, старые клёны и липы, и тут вдруг из ясного неба пролились капли дождя — слабые такие, тёплые, будто Господь окропил.

«Всем, кому не хватило жизни…» — с этих четырёх слов начинается главная книга А.И.

Жизни всегда не хватает.